

I. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ: СЕМИОТИЧЕСКАЯ И КОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

УДК 81-13

ПРИЕМЛЕМОСТЬ, УМЕСТНОСТЬ И АДАПТАЦИЯ ТЕКСТА*

В.З. Демьянков

Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

vdemiank@mail.ru

Предлагается систематизация понятийного аппарата, связанного с приемлемостью и уместностью речи в рамках различных подходов к адаптации текста и дискурса. Сама адаптация анализируется с помощью прагматической формулы: *Кто адаптирует, что, для кого, в какой ситуации (когда и где) и как*. Соответственно, различаются: субъект, объект, целевая аудитория, обстоятельства передачи сообщения и техники адаптации. *Приемлемость* характеризует «вписанность» выражения в контекст дискурса и не совпадает с грамматичностью. *Уместность* (appropriateness) чаще относят к более крупным единицам – текстам и дискурсам. Предвидение неуместности текста или дискурса в конкретной коммуникативной ситуации и является поводом для адаптации.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, адаптация текста, адаптация дискурса, приемлемость предложения, уместность текста, языковое и внеязыковое знание, культурная аккомодация.

Для цитирования: Демьянков В.З. Приемлемость, уместность и адаптация текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 4. С. 9-19.

DOI: 10.20916/1812-3228-2019-4-9-19

Латинские прообразы терминов *приемлемость, уместность, адаптация* и *аккомодация* содержат префикс *ad-* или его позиционные варианты *ac-* и *ap-*: последний согласный префикса ассимилируется к начальному согласному последующей основы. В современной английской терминологии, заимствованной из романских языков, имеем, соответственно: *acceptability, appropriateness, adaptation* и *accommodation*. Этот префикс обладает пространственной семантикой близости («адессивности») или приближения («аллативности»). Как уже оказывалось много раз, внутренняя форма многих подобных терминов дает о себе знать при употреблении в научном языке: профессиональное мастерство ученых начинается со знания исходного буквально-го смысла терминов, впрочем, на этом не останавливаясь. Это показывает рассмотрение того, как указанные термины употребляются в современной лингвистической литературе.

Адаптация текста – разновидность аккомодации культуры и к культуре в постоянно меняющихся условиях жизни человека. Предпосылкой для адаптации является осознание действительной или мнимой неполной приемлемости частей текста и/или неполной уместности всего текста в рамках тех обстоятельств, в которых текст должен интерпретироваться. При интерпретации текста – т.е. при выявлении дискурса, «озвучивающего» последовательность языковых знаков и придающего осмысленность этой последовательности (подробнее см. [Демьянков 2005]), – знания языка (составляющие «родной» предмет исследования лингвистов) тесно переплетаются со знаниями о мире – «неродными» предметами традиционного языковедения, усыновленными когнитивными лингвистами: для когнитивной лингвистики неродных знаний не бывает. О соотношении этих видов знания и об их эволюции

* Исследование, описанное в разделе 1, выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН. Разделы 2 и 3 данного иссле-

дования выполнены за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН.

в рамках интерпретации см. [Болдырев 2014]. Мы же попытаемся разобраться в том, что имеется в виду под терминами *приемлемость* и *уместность* в обширной лингвистической литературе, а затем перейдем к характеристике адаптации текста в когнитивном аспекте.

1. Приемлемость и уместность

В специальной литературе *приемлемость* (assertability) обычно приписывают элементарным высказываниям и предложениям, реже – текстам и речевому поведению в целом. Например, когда приемлемое коммуникативное поведение не сводят к использованию языковой системы [Sajavaara 1987: 62], а связывают со взаимодействием синтаксиса, логики и прагматики при включении предложения в контекст [Fauconnier 1980: 479]. Иначе говоря, «приемлемость» характеризует «вписанность» выражения в контекст. В фокусе внимания при этой оценке обычно находится часть некоторого крупного образования, а не само это образование. Значительно реже, по переносу, говорят и о *приемлемом контексте* для данного предложения, допускающем или не допускающем presupпозиции, содержащиеся в предложении [Sandt 1988: xiv].

Приемлемость элементарной коммуникативной единицы оценивается не на фоне грамматического описания, а в дискурсе [Natim 1997: 90], в той «жизни текста» (Н.Д. Арутюнова), в которой играют роль рациональность, координирование действий коммуникантов и их интерпретируемость [Parret 1980: 135], и где ситуационная мотивация и планируемость действий оцениваются на фоне приемлемости отдельных шагов в реализации дискурсной стратегии [Neubert 1982: 30]. Намерение, угадываемое реципиентом за коммуникативными действиями автора текста, ограничивает свободу интерпретации рамками ожиданий реципиента [Neubert 1982: 32]. Поэтому приемлемость не всегда благосклонно устанавливается интерпретаторами, которые к тому же могут расходиться в своих мнениях [McCawley 1997: 276].

Как предтеоретическая или даже внетеоретическая оценка формы и содержания высказывания [Lyons 1977: 379] приемлемость противопоставляется «железной», или «безусловной» правильности формы, соответствию формальным нормам и стандартам – *well-formedness*, или, начиная с первых работ генеративной парадигмы, *grammaticality* «грамматичности». Вообще говоря, грамматичным предложение является, по определению, если «порождается» (описывается, задает-

ся) данной грамматикой. Грамматика же рукотворна, ее составляют на основе показаний носителей языка о том, какие предложения приемлемы, а какие – не приемлемы. Соответственно, грамматика, претендующая на объективность, адекватна в той степени, в какой отражает субъективные показания приемлемости для описываемых ею предложений [Rapaport 1987: 475]. Некоторые предложения типа *a not unhappy person* и *a not inordinate amount of money* не грамматичны (не допускаются стандартной грамматикой), но приемлемы [Langendoen 1982: 107-108]. Знаменитое *Подъезжая к своей станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа* (А.П. Чехов. Жалобная книга), используемое как отрицательный пример в борьбе за повальную грамматичность в русской школе, не ограждает нас от оценочного сбоя при встрече с предложениями типа *Глядя на природу, хочется рыдать*. Это свидетельствует о «высокой вероятности» приемлемости вопреки неграмматичности. Предложения же типа *a non sad person* не являются ни грамматичными, ни приемлемыми [Langendoen 1982: 108]. Эмпирическое установление неприемлемости, обставленное так, чтобы не всполошить испытуемых, приводит, в конечном итоге, к суждениям типа: «Предложение непоправимо плохое. Я бы его не стал употреблять» [Coleman 1973: 78-79] и «Сказать-то можно, но мы так не говорим».

Логическую несопротиворечивость предложения считают необходимым, хоть и не достаточным условием для его приемлемости [Bublitz 1988: 32]. Однако предложение с хромоющей логикой *Colorless green ideas sleep furiously*, придуманное Н. Хомским, приемлемо, поскольку может быть проинтерпретировано по аналогии с неброским предложением вроде: *Honest black men sleep quietly* [Bazell 1962: 140]. Тогда прощается то нарушение бытовой логики, при котором идеи представляются одновременно и бесцветными, и зелеными. Ошибочное употребление коллокаций (многие из которых, вопреки очевидной неправомерности, объяснимы, по [Lyons 1966: 297], как результат «социальных конвенций» или «материальной мотивации») также может быть спасено, если предложение поместить в более широкий – скажем, иронический, контекст. Например, услышанная в российском аэропорту фраза: «Рейс Москва – Париж отменяется. Приносим извинения за *предоставленные Вам неудобства*» (когда имеются в виду не *предоставленные условия*, а *доставленные неудобства*), действительно, смягчит горькие чувства и скрасит время ожида-

ния следующего рейса. Возмущение сменится сардонической улыбкой с ацетиленовым отливом.

Сомнительность приемлемости в жизни смягчают, вводя «загородочные» элементы (*hedges*) или элементы, понижающие градус категоричности (*understatements*) [Hübler 1984: 23], такие как русские *как бы, типа, вроде, некоторым образом*.

В противоположность приемлемости, оценку *уместности* (*appropriateness*) чаще относят к более крупным единицам – текстам и дискурсам; а к отдельным предложениям и речевым актам – только по переносу как к частям более крупных речевых отрезков. Уместность в широком смысле слова («коммуникативная правильность», или «коммуникативная приемлемость» [Уфимцева 1980: 76]) – случай, когда поведение человека соответствует ожиданиям аудитории, сохраняет общий контекст этого взаимодействия, рассматривается на фоне этических и эстетических соглашений данной культуры [Beeman 1986: 203]¹. Производимые речевые акты тогда можно считать уместными («счастливыми» [Austin 1962] или «успешными» [Dijk 1981: 298]): обстоятельства общения соответствуют ожиданиям самого автора речи, способствуя взаимопониманию людей [Firth 1968: 206], и – опять-таки по переносу – также называются уместными (*appropriate circumstances of communication*) [Austin 1962: 8].

Но благодаря кому речевые действия уместны? Заслуга ли это «говорящего», старательно вписывающего свои высказывания в общую ситуацию общения так, чтобы достичь социальной приемлемости [Brown 1995: 24])? Или чуткий интерпретатор гармонично увязывает в своем внутреннем мире угловатые и несвязные речи безбашенного говорящего, ср.: «Ах, обмануть меня нетрудно!... Я сам обманываться рад!» (А.С. Пушкин)?

¹ На мысль о единстве этического и эстетического аспектов уместности в рамках далеких культур наводят наблюдения типа: «Iranian interpersonal behavior has an unmistakable aesthetic dimension – skill in interaction and greatly appreciated in assessing an individual's worth in society. The sense of this aesthetic dimension leads inevitably to metaphors. The elaborate weaving and intertwining of designs in the finest Persian carpets; the extraordinary complexity of rhyme, meter, imagery, and word play in classic Persian poetry; and the intrinsic improvisatory sweet-sadness of melodic line in traditional Persian music all convey some of the feeling and texture of everyday social interaction. It is not unreasonable to compare interpersonal relations in Iran to art, for negotiating the webs of everyday personal relations and interaction situations requires consummate skill for even those born into the system. Consequently, there are rewards for the adept and setbacks for the clumsy» [Beeman 1986: 1-2]. Отсюда всего один шаг до признания этого единства и в европейских культурах.

кин)? В последнем случае адекватность интерпретации приносится в жертву душевному равновесию, миру между собеседниками, порой снижая агрессивность сообщения [Marković 1984: 383]. Общественное мнение такие случаи мягко осуждает («Ему плюй в глаза – все божья роса»), однако покорно легализует получаемый дискурс: дурной мир все-таки лучше доброй ссоры даже по поводу пустяковой интерпретации. К. Фосслер выделял 4 причины такой неадекватности: небрежность говорящего в выборе выражений (ошибки, которые он при необходимости готов исправить), отсутствие плана речи (без руля и без ветрил), утрированная жесткость говорящего и недостаточный запас выразительных средств – бедность языка как системы в целом или недостаточный опыт автора в использовании богатств языка [Vossler 1923: 124-134].

Классический случай уместности – когда не нарушены грамматические, лексические, фонологические и т.п. нормы языка, правильно выбран регистр речи, проявлено знание социолингвистических установлений, совершаются речевые акты и происходят речевые события, а речь связна (без видимых логических несуразниц) и не нарушает конвенций и ритуалов (правил) общения, ср. [Kernan, Sabsay 1982: 169]. Видим, что есть два взаимосвязанных класса условий уместности текста: выбор содержания, доступного и понятного аудитории (адресат в состоянии реагировать на такое содержание, а не просто пассивно его воспринимать), и следование конвенциям, учитывающим статус адресатов, обстоятельства сообщения [Camaioni 1981: 79] и условия вербального взаимодействия людей, отраженные в коннотациях лексических единиц². Соответствие языка предмету речи, аудитории, соблюдение нужной степени формальности, использование технического жаргона только там и тогда, когда без него не обойтись, и т.п. [Nash 1986: 10], – словом, все то, что создает атмосферу естественности в общении людей [Rochemont 1985: 18].

При установлении уместности истинность и правдивость высказываний прямо не фигурирует, и не случайно: говоря о непроясненном прошлом, смутном будущем, а также о желаемом или несбывшемся, мы даже не задумываемся об истине [Kasher 1989: 78] «как она есть», за исключе-

² Ср.: «für die verbale Kommunikation relevanten Bedingungen innerhalb der Kommunikationsgesellschaft, die gegeben sein müssen, damit ein Ausdruck angemessen verwendet werden kann» [Bierwisch 1978: 89].

нием случая, когда текст представляет собой квалификационное сочинение – скажем, диссертацию по истории. В некоторых языках, например, в романских, уместно и даже грамматично сомневаться в истинности, если высказывание вложено в оценочный предикат, такой как *странно*; ср.: *C'était assez drôle que je ne m'en fusse pas avisé plus tôt* «Было довольно странно, почему я не был предупрежден раньше» (А. Camus, “L'étranger”): основной предикат вложенного высказывания (в нашем случае *ne m'en fusse pas avisé* буквально «не был бы предупрежден») тогда должен быть в форме субъюнктива, а не индикатива. А вот русский перевод, в который, «для ясности», добавлен показатель остраничности *якобы*, звучал бы по меньшей мере странно.

В зависимости от того, насколько естественен дискурс в реальных обстоятельствах его создания и восприятия, говорят о различных градациях и видах уместности. Контекстуальная уместность (*contextual appropriateness*) входит в «коммуникативную компетенцию» (в смысле [Hymes 1971]) наряду со знанием того, как обычно пользуются языком [Richards, Platt, Weber 1985: 49], и включает в себя грамматическую и семантическую связанность текста, рассматриваемые на фоне языковых и внеязыковых факторов, таких как роль, статус, пространственно-временная референция, степень формальности, социальная среда, предмет обсуждения и регистр речи, см. [Lyons 1977: 590]. Коммуникативную уместность связывают с целеполаганием и с «языковой игрой» (в смысле Л. Витгенштейна), предполагающими тот или иной план действий с хорошо вписанными – а потому и уместными – поступками [Motsch 1978: 13], и в котором неуместные действия требуют как минимум дополнительного осмысления. Наиболее «прагматически обусловлена», по [Ellis 1994: 23], уместность, зависящая от объекта и техник адаптации текста: цель тогда оправдывает средства. То, что уместно в одной культуре, может быть воспринято как бестактность в другой [Olshtain, Cohen 1989: 54]. Универсально следующее правило: неуместные преднамеренные действия требуют извинения. Ведь искренне извиняться можно только за то, что в данной культуре осознается как неуместное или не вполне уместное действие: непреднамеренные проступки во многих культурах и социальных средах прощаются автоматически, тогда и просить прощения не обязательно, – но в России все-таки часто просят прощения, нечаянно икнув или чихнув, но не плюнув на пол и не обматерив собеседника. Пы-

таясь же загладить обиду, демонстрируют раскаяние [Rathmayr 1996: 52], которое по крайней мере выглядеть должно правдоподобно, ср.: «Ради бога, извините за опоздание» (при соответствующей, не издевательской, интонации раскаяние предстает в полный рост), «Простите, я на Вас наплевал» (раскаяние явно недовложено) и «Простите, я Вас перебыю» (раскаяние едва заметно). Отсутствие же извинения за «неприемлемую бестактность» (приемлемой бестактности, впрочем, не бывает) значимо и вызывает ритуальную, т.е. социально ожидаемую, обиду. «Одесское» *я извиняюсь* звучит забавно именно потому, что не подпадает под эту характеристику (в отличие от одесского же *Я дико извиняюсь*, которое, действительно, содержит извинение)¹: «Господин Филевский – не фармазон? *Я извиняюсь*» [Смирнов 2018: 44]. Баланс уместности теряется и в случае, когда рядом с формулой извинения впритык идет формула презрения, сводящая насмарку попытку загладить вину; ср. хамоватые и вряд ли уместные в воспитанном обществе: «Извините, мне на Вас наплевать» и «Мне на Вас наплевать. Извините».

Констатация же неуместности дает сигнал интерпретатору-миротворцу попытаться вычислить имплицатуры, отражающие истинный, не вполне ясный смысл речи [Wright 1975: 380], т.е. адаптировать прямо поданный смысл к совместному внутреннему миру коммуникантов. В этой интерпретационной стратегии можно проявить высшую степень креативности и увидеть гармонию даже в самом хаотичном дискурсе. А можно и апатично признать: «Не понимаю» и объявить текст неадаптированным к данному контексту. Т.е. неуместным.

2. Адаптация текста и дискурса

Итак, поводом для адаптации бывает предвидение неуместности текста или дискурса в первоначальном виде в конкретной коммуникативной ситуации. О необходимости адаптировать речь к (или для) целевой аудитории свидетельствуют случаи не только неадекватного содержания (скажем, о некоторых проблемах мы с детьми до поры до времени предпочитаем не говорить), но и «регистра» – стилистического (т.е. осознанно или неосознанно выбираемого) «ключа» к по-

¹ Ср.: «Как бы между прочим, одессизм «я извиняюсь», давно и сильно потеснивший в русскоязычной речи «извините меня (прошу прощения)», в одесском языке по сию пору означает «не согласен»» [Смирнов 2018: 16].

строению и пониманию речи. Вот пример неадаптированной речи:

«Молодой человек, проходя мимо сада, увидел у калитки пятилетнюю девочку, которая стояла и плакала. Он ласково наклонился над ней и, к моему изумлению, сказал:

– Ты по какому вопросу плачешь?

Чувства у него были самые нежные, но для выражения нежности не нашлось человеческих слов» [Чуковский 1961].

Этот вид регистра получил название «канцелярит». Маленькие дети не остаются в долгу, радуя нас не по возрасту старомодно закрученными фразами, типа: «У меня есть веские основания полагать, что наша няня инициировала роман с дворником» (таких детей немцы называют *altkluge Kinder* «по-старчески умные дети»). Лексически и грамматически хорошо подкованные дети еще не догадываются, что взрослых надо щадить и не пугать выражениями со случайными смысловыми связями. А канцелярит оказывается проявлением коммуникативной инфантильности.

Усилия К.И. Чуковского «не пропали даром»: тяга к канцеляриту в России, кажется, осталась в прошлом. На смену пришла противоположная тенденция – «антиканцелярит», боязнь выражаться по-застойному. Для сегодняшнего дискурса гораздо более характерны обороты, оживляющие официальные заявления, типа: «У меня мышление юриста, несмотря на то, что я работаю президентом» (Д.А. Медведев, интервью журналисту Би-би-си Эндрю Марру 29 марта 2009 г.). Фраза же с предикатом *мочить в сортире* обессмертила своего автора.

Вслед за разграничением классов диалога, предложенным еще в 1980-е гг., можно говорить о тексте (и дискурсе) действенном (при кооперированном соучастии автора и адресатов)¹, эффективном (при оптимальном расходе вербальных средств для достижения требуемого эффекта)² и адаптивном (не вызывающем информационных сбоев)³. Адап-

тация текста и дискурса к целевой аудитории достигается, если речевые и интерпретативные действия коммуникантов опираются на предшествующие и подготавливают будущие действия [Apostel 1980: 261]. Действенность, эффективность и адаптивность характеризуют «межличностную компетенцию» [Spitzberg, Cupach 1984], ту «этическую» сторону общения людей, когда у человека есть выбор: рассматривать своего собеседника как адресат или как источник информации [Sass 1994: 153].

Адаптируется не только «языковая деятельность» (сосюрковский *langage*), но и языковая система (*langue*, в частности, грамматика и лексика), под влиянием «внутренних» (со стороны элементов этой системы) и «внешних» (социальных, в частности, инокультурных) факторов; ср. понятия *adaptive innovation* «адаптивная новация» и *adaptive change* «адаптивное изменение», противопоставляемые «эволюционным» (*evolutive*) новации и изменению [Lightfoot 1979: 381]. Адаптивные новации модифицируют отношения между языковой системой и иными аспектами коммуникативной системы: скажем, когда новые предметы или понятия (например, кварки или лазеры) получают свое название [Lightfoot 1979: 348]. Язык адаптируется к нуждам пользователя, позволяя давать именованья даже нечетко прорисованным понятиям. Недаром говорят, вслед за И.В.ф. Гете, что слова наиболее полезны именно тогда, когда идеи несовершенны [Veale, Brône, Feyaerts 2015: 1]. Эти понятия кристаллизуются и оттачиваются при частом упоминании. Смешанный случай – адаптация одновременно *langage* и *langue* – представлен в переписке К. Маркса и Ф. Энгельса: английские вкрапления в ней, усложняя понимание для посторонних, свидетельствуют о стремлении адаптироваться к иноязычному окружению в неокостеневших «узлах переключения кодов» («switching junctures») [Ferguson 1997: 55]. Недоадаптированный перевод текста обладает ореолом инокультурности, и ему прощается даже неполное следование языковым и литературным стандартам целевой культуры [Weinberger 2013: 18]: радушный хозяин даже разбитую тарелку прощает легче гостям, чем своим.

В отличие от языкового планирования и «модернизации языка», адаптация предполагает как осознанные, так и неосознанные и незапланированные действия коммуникантов не только в настоящем, но и в прошлом [Coulmas 1989: 1], причем под давлением внешних – функциональных – причин, не связанных напрямую с внутрен-

¹ Ср. *dialogue effectif*: «si les buts et le modèle du monde de tous les participants sont modifiés à la suite du dialogue (le modèle du monde d'un agent se reflète par les moyens que cet agent choisit pour réaliser ses buts). Un dialogue correspond à une interaction exhaustive en coopération» [Apostel 1980: 263].

² Ср. *dialogue efficient*: «si étant donné les buts et les moyens des agents, il est le dialogue fermé et effectif qui soit le plus court possible entre ces participants» [Apostel 1980: 263].

³ Ср. *dialogue adaptif*: «si les interventions de chaque participant utilisant les interventions précédentes des partenaires et préparent les inventions futures de ces mêmes partenaires. Un dialogue correspond à une interaction continuée et féconde» [Apostel 1980: 261].

ними факторами языковой системы [Coulmas 1989: 2]. Адаптация часто замечается языковым сообществом только по прошествии определенного времени, несмотря на то, что проявления ее типичны, повторяются в самых разных обществах и трактуются как стремление к единообразию, точности, элегантности, чистоте формы, соответствию литературным традициям и усовершенствованию за счет создания новых именовании («uniformity, precision, elegance, purity and form, allegiance to literary tradition, and elaboration through coinage of new terms») [Coulmas 1989: 21].

При взаимодействии людей, впрочем, границы между внешними и внутренними факторами очень условны.

3. Параметры адаптации

Адаптацию текста понимают и как переговорный процесс (*negotiation*, т.е., «a process by virtue of which, in order to get something, each party renounces something else, and at the end everybody feels satisfied since one cannot have everything» [Eco 2003: 6]), и как его результат¹. Очень неполное и приблизительное представление о параметрах адаптации дает прагматическая формула: **Кто адаптирует, что, для кого, в какой ситуации и с помощью каких приемов**. Соответственно, различаются: субъект, объект, целевая аудитория, обстоятельства передачи сообщения и техники адаптации. Адаптированность текста по этим и подобным параметрам соответствует высокой степени «прагматической приемлемости», лежащей за пределами чисто языковой (в смысле *langue* – языка-системы) сферы интерпретации текста, ср. [Lang 1977: 22-23]. Кратко рассмотрим указанные параметры адаптации.

3.1. Субъект адаптации – адап(та)тор, выступающий в различных ролях: как автор, как редактор, как переводчик, как популяризатор, пропагандист, «искажитель» и т.п. Границы между этими ролями, впрочем, зыбки. Например, предложение *It snows in May* в результате «редакторского самокомментирования» приобретает форму

It does snow in May [Friedman 1979: 338]: добавление маркера «утвердительной благонадежности» высказывания (как и вообще показателей эвиденциальности) делает автора по совместительству редактором. Задача редактора и переводчика (по мнению некоторых, переводчик, в сущности, – тот же редактор [Delisle 1984: 16]), – не простая переупаковка смысла, а «пересоздание» (*re-creation*), пересадка текста на культурную почву, отличную от исходной, ср. [Belyea 1984: 46-47]. Редактор бывает конкурентом для автора²: даже минимальная корректировка пунктуации в тексте В. Шекспира может привести к фундаментальному переосмыслению текста [Warren 1977: 169]. Неблагодарный и недальновидный автор воспринимает усилия редактора как вредные. А для свержчестолюбивого редактора автор может стать обузой.

В средние века, переписывая стихотворное произведение на чужом диалекте, по мере сил пытались адаптировать текст к вкусам и языковой компетенции целевой аудитории, добавляя порой фрагменты, сохраняющие, впрочем, рифму и стиль оригинала, см. [Mulken 1995: 166-167]. В российской филологии в этой связи различают извод и редакцию: «изменения орфографические и языковые говорят за извод, изменения же стилистические – за стилистическую редакцию, если же имеются и изменения идейного характера, то перед нами, очевидно, новая редакция, а не новый извод» [Лихачев 1983: 141].

Каждая из указанных ролей вызывает определенные ожидания и приводит к своим результатам. Адапатор надевает на себя такую маску, которая, на его взгляд, позволит эффективнее достичь своих целей, а недоброжелатели стремятся показать его истинное лицо. Когда в 2007 г. тогдашний премьер-министр Великобритании Г. Браун вдруг заговорил без привычного для него шотландского акцента, пресса оценила это как стремление затушевать провинциальность, культурную отсталость и недалекость [Garrett 2010: 1]. Однако не всякий носитель языка в состоянии по фонети-

¹ Ср.: «In this kind of negotiation there may be many parties: on one side, there is the original text, with its own rights, sometimes an author who claims right over the whole process, along with the cultural framework in which the original text is born; on the other side, there is the destination text, the cultural milieu in which it is expected to be read, and even the publishing industry, which can recommend different translation criteria, according to whether the translated text is to be put in an academic context or in a popular one. An English publisher of detective novels may even ask a Russian translator not to transliterate the names of the characters by using diacritic marks, in order to make them more recognisable to the supposed readers» [Eco 2003: 6].

² Ср.: «Most writers I know have tales to tell of being mangled by editors and mauled by fact-checkers, and naturally it is the flagrant instances that they choose to single out – absurdities, outright distortions of meaning, glaring errors. But most of the damage done is a good deal less spectacular. It consists of small changes (usually too boring to describe to anyone else) that flatten a writer's style, slow down his argument, neutralize his irony; that ruin the rhythm of a sentence or the balance of a paragraph; that deaden the tone that makes the music. I sometimes think of the process as one of “desophistication”. When a good writer is subjected to it, everything tends to come out that little bit more dumb» [Gross 1990: 288].

ческим особенностям оценить подобные переодевания. Так, сегодня соблюдение дореволюционной нормы, допускавшей только фриктивный *z* в выражениях типа *Ради Бога* и *богатый* и т.п., но запрещавшей его в словосочетании *О греческие боги!*, вызовет разве что мимолетную радость филолога-русиста.

3.2. Объект адаптации: исходный (адаптируемый, или адаптанд) и результирующий (адаптированный, или адаптат). Модифицируется исходный текст и/или его замысел. Бывает, что сам текст, его «тело», целиком или частично воспроизводится дословно, но в обстоятельствах, отличных от исходных. Однако интерпретация текста – дискурс – при этом будет иной. Ср. знаменитый лозунг «Правильным путем идете, товарищи!» на открытом шоссе и в конце тупика.

Объектом адаптации может стать не только «тело» текста, но и образ (а возможно, и физическое или моральное тело), т.е. идентичность автора текста. В борьбе за известность и/или власть сами основания для признания идентичности вызывают дискуссию¹. Так, споры вокруг Кончиты Вурст связаны не столько с качеством пения, сколько со сценическим и околосценическим образом, с отказом адаптировать самопрезентацию к привычным установкам улюлюкающего большинства [Scheller-Boltz 2017: 13]. Эта провокационная аккомодация «от противного» вызвала резонанс и привела к коммерческому успеху. Проявлением внутренней борьбы за самоидентификацию является и переключение кодов русских американцев в известном произведении: «Я вам, сэр, назначаю апойнтман. / Вы знаете, кажется, мой апартман? / Тудой пройдет четыре блока, / потом сядой дадите крен. / А если стриткара набита, около / можете взять подземный трен» (Маяковский В.В. Американские русские).

Внутренние формы английских терминов *appropriation* «присвоение» и *appropriateness* «уместность» не случайно столь близки: адаптатор образа автора хотя бы на мгновение присваивает себе лавры если и не из чистого честолюбия, то для достижения уместности. Субъективное присвоение (subjective appropriation) представляет собой одно из направлений философствования – в духе Киркегора, – когда суждение философа принимается за несомненную мыслительную дан-

¹ Ср.: «Ironically, identity requires an ongoing confrontation with other identities in order to serve its function in the struggle for power. Therefore, discourse will almost automatically produce instances which challenge or reaffirm the identities of those participating in the discourse» [Scheller-Boltz 2017: 13].

ность². Французскому прилагательному *approprié* словаря приписывают одновременно семы собственности («присвоенный»), уместности («соответствующий, надлежащий») и адаптированности («приспособленный»). Такая семантика наводит французских философов на мысль о том, что объектом присвоения бывает и сам язык, который, в терминах Ж. Деррида, «входит в язык другого»³.

3.3. Целевая аудитория, которая может стать и объектом манипуляции. На практике же наиболее существенным направлением адаптации текстов является «упрощение» содержания и формы произведения, чтобы не только взрослые и не только носители языка могли получить удовольствие от чтения. Так создаются адаптированные версии шедевров мировой литературы для детей и юношества. Ведь неадаптированный текст романов «Робинзон Крузо» и «Гаргантюа и Пантагрюэль» может шокировать даже все почитавшего на своем веку взрослого. Впрочем, увы, адаптация «Эмманюэль» и «Сатирикона» для детей порадует нас еще не скоро. Другое направление – адаптация для тех, кто не в совершенстве владеет языком произведения; тогда очень полезны пристраничные лексические, грамматические и страноведческие комментарии, которыми славились издания шедевров современной зарубежной литературы на языке оригинала, вышедшие в свое время в издательстве «Прогресс».

3.4. Обстоятельства и/или условия адаптации, к которым относятся время, место и атмосфера передачи текста или дискурса, фон знаний, желаний, ожиданий и оценок [Dijk 1981: 20]. Ностальгическая фраза *А у нас в тюрьме сейчас дают макароны* в кино звучит уместнее, чем ситуационно ущербное восклицание *У нас здесь в Австралии роскошное лето*, услышанное в Эдинбурге в разгар зимы, см. [Lyons 1977: 578-579]. Адаптация по дейктическому параметру вместо *здесь* в Австралии дает *там* в Австралии, восстанавли-

² Ср.: “this appropriation has a certainty which is derived from passion. Since faith is passion its certainty is very different from that of logic or mathematics or again of science. So we are led to the further development of the thesis into the definition of truth as *objective uncertainty held fast in infinite passion*” [Thomas 1994: 77].

³ Ср.: «D'autant plus que la langue de l'autre, comme langue de la vérité, n'est jamais simplement la langue de l'autre. Dès lors qu'elle est de l'autre, je l'invente à chaque instant («l'inventant plus ou moins»), je la parle pour la première fois comme au moment de son institution, du premier contrat, par lequel je m'approprie et j'approprie la langue» [Derrida 1986: 191-192]. Здесь допустимы оба толкования: «я приспосабливаюсь и приспосабливаю свой язык» и «я приспосабливаюсь и присваиваю язык».

вая баланс уместности. Следя за маршрутами передвижения героя книги или кинофильма, читатель становится соучастником адаптации и реадaptации лирического героя к пространственно-временным перипетиям, см. [Baumbach, Michaelis, Nünning 2012: 3].

3.5. Техники адаптации – действия, производимые над объектом: модификация замысла, готового текста, инсценировка подачи объекта в нужном освещении, детализация или отказ от деталей, даже выбор маски для автора. Чисто формально эти техники состоят в добавлении, удалении и переупорядочении, вписывающих текст в «риторическую ситуацию» [Sommers 1985: 151]. Адаптация бывает и цикличной, когда адаптированный текст подвергается дальнейшей адаптации. Допустимость адаптации оценивается на фоне социальных установлений, систем знаний (в том числе, исторических и научных фактов, не подвергаемых в данном обществе сомнению [Mailloux 1982: 113]) и идеалов, которых эти системы предписывают придерживаться («идеологий»). Именно о всеобязательных знаниях идет речь в следующем диалоге, который часто любил цитировать Ю.С. Степанов: «Я недавно прочитал, что Англия, оказывается, не полуостров, а остров!» – «Ну что ты, это было бы известно!».

Различаются адаптация по ходу создания нового текста и адаптация уже готового текста.

В первом случае автор ни перед кем не обязан отчитываться об адекватности: он хозяин своего слова настолько, насколько это допускается в обществе. На одном полюсе «свободы слова» – общество, в котором без репрессий допустимо лишь повторять канонические истины, да и официоз в неподобающих обстоятельствах может привести к обвинению в профанации: ср. надпись *Слава КПСС!* и исполнение гимна страны в уместном окружении, в «местах общего пользования» и в лирически-интимной обстановке. На другом полюсе – полная безответственная отсебятина.

Адаптация готового текста – например, редактирование и перевод (устный или письменный), – случай, когда один (готовый) текст трансформируется в другой, отличный по телу, но конгруэнтный по значению [Bell 1984: 73]. При редакции последнее слово за автором, который, пусть даже и изнуренный неравной борьбой с чуждыми мнениями редактора, дает-таки согласие на публикацию своего текста в полученном виде. А при переводе (в частности, осуществленном самим автором) последнее слово остается за переводчиком.

Разумеется, социальное окружение исходного текста может резко отличаться от контекста, к которому и в котором происходит адаптация. Ведь знания и идеология автора могут отличаться от знаний и идеологии целевой аудитории. Редактура и перевод текста могут опираться и на историю более ранних версий того же текста и даже на историю переводов на другие языки. Богатый опыт в этой области доказал полезность правил, позволяющих избежать неконгруэнтности: надо стремиться не удалять и не вставлять показатели утверждения, остранения, отрицания, фокуса и агенса, избегать реверсии переходных конструкций, не «округлять» указаний времени и места, не добавлять дейксиса, ср. [Bell 1984: 108-110]. Передача тональности текста (сохранение нейтральной подачи, трагизма, юмора, ироничности, полемичности и т.п.) – «высший пилотаж» при адаптации текста, особенно при переводе [Delisle 1984: 202]. Недаром У. Эко полагал, что бывает «верность оригиналу» (*faithfulness*, а при желании, *loyalty, devotion, allegiance, piety* по отношению к тексту)¹, но нет точности (*exactitude*) перевода [Eco 2003: 192].

К техникам адаптации текста относятся также добавление и устранение фигур речи. Почувствовав, что текст не следует понимать буквально, аудитория пытается вычислить грайсовские импликатуры [Bergmann 1982: 239], а заодно оценивает степень уместности этих фигур. Злоупотребление же метафорами [Aylwin 1985: 175] вызывает ощущение «абсурда вместо музыки».

4. Заключение

1. *Приемлемость* характеризует «вписанность» выражения в контекст. В фокусе внимания при этой оценке находится часть крупного образования, а не само это образование. Значительно реже, по переносу, говорят и о «приемлемом контексте» для данного предложения. В обоих случаях оценка происходит не на фоне грамматического описания, а «в жизни» текста, в дискурсе.

2. *Уместность* (*appropriateness*), напротив, чаще относят к более крупным единицам – текстам и дискурсам; к отдельным предложениям

¹ Ср.: «the concept of faithfulness depends on the belief that translation is a form of interpretation and that (even while considering the cultural habits of their presumed readers) translators must aim at rendering, not necessarily the intention of the author (who may have been dead for millennia), but the *intention of the text* – the intention of the text being the outcome of an interpretative effort on the part of the reader, the critic or the translator» [Eco 2003: 4].

и речевым актам – только по переносу как к частям более крупных речевых отрезков. Неуместность текста – признание его неадаптированности к конкретным коммуникативным условиям. Предвидение неуместной подачи текста или дискурса в первоизданном, неадаптированном виде в конкретной коммуникативной ситуации является поводом для адаптации.

3. Под *адаптацией* понимают одновременно процесс и результат этого процесса. Адаптированность текста – степень «прагматической приемлемости», лежащей за пределами чисто языковой (в смысле *langue* – языка-системы) сферы интерпретации текста.

Список литературы

- Болдырев Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: ЯСК, 2018.
- Демьянков В.З.* Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст: сборник к 70-летию Т.М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. проф. В.Н. Топоров. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 34-55.
- Лихачев Д.С.* Текстология: На материале русской литературы X–XVII веков. 2-е изд., перераб. и доп. Л.: Наука, 1983.
- Смирнов В.* Одесса-таки работает! Одесско-блатной словарь. Одесса: Полиграф, 2008.
- Чуковский К.И.* Живой как жизнь: Рассказы о русском языке. М., 1961.
- Уфимцева А.А.* Семантика слова // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С. 5-80.
- Apostel L.* Pragmatique praxéologique: Communication et action // Le langage en contexte: Etudes philosophiques et linguistiques de pragmatique / Parret H. et al (ed.). Amsterdam: Benjamins, 1980. P. 193-315.
- Austin J.L.* How to Do Things with Words: (The William James Lectures Delivered at Harvard University). Oxford: Clarendon, 1962.
- Aylwin S.* Structure in Thought and Feeling. London; N.Y.: Methuen, 1985.
- Baumbach S., Michaelis B., Nünning A.* Introducing Travelling Concepts and the Metaphor of Travelling: Risks and Promises of Conceptual Transfers in Literary and Cultural Studies // Travelling Concepts, Metaphors, and Narratives: Literary and Cultural Studies in an Age of Interdisciplinary Research / Baumbach M., Nünning A. (eds.). Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 2012. P. 1-21.
- Bazell C.E.* Meaning and the morpheme // Word. 1962. Vol. 18. No. 1. P. 132-142.
- Beeman W.O.* Language, Status, and Power in Iran. Bloomington: Indiana University Press, 1986.
- Bell A.* Good copy – bad news: The syntax and semantics of news editing // Applied Sociolinguistics / Trudgill P. (ed). London etc.: Academic Press, 1984. P. 73-116.
- Belyea B.* The notion of “equivalence”: The relevance of current translation theory to the edition of literary texts // La traduction: L’universitaire et le praticien: Congrès U. du Québec à Montréal 28-31 mai 1980 / Thomas A., Flamand J. (eds.). Ottawa (Canada): Université d’Ottawa, 1984. P. 39-47.
- Bergmann M.* Metaphorical assertions // Philosophical review. 1982. Vol. 91. No. 2. P. 229-245.
- Bierwisch M.* Struktur und Funktion von Varianten im Sprachsystem // Kontexte der Grammatiktheorie Hg. v. Motsch W. Berlin: Akademie, 1978. S. 81-130.
- Brown G.* Speakers, Listeners and Communication: Explorations in Discourse Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Bublitz W.* Supportive Fellow-Speakers and Cooperative Conversations: Discourse Topics and Topical Actions, Participant Roles And Recipient Action in a Particular Type Of Everyday Conversation. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1988.
- Camaioni L.* The problem of appropriateness in pragmatic development // Le langage en contexte: Etudes philosophiques et linguistiques de pragmatique / H. Parret et al. (ed.). Amsterdam: Benjamins, 1980. P. 79-92.
- Coleman L.* Why the only interesting syntactic dialects are the uninteresting ones // Papers from the Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago: Chicago University, 1973. Vol. 9. P. 78-88.
- Coulmas F.* Language adaptation // Language adaptation / Coulmas F. (ed.). Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1989. P. 1-25.
- Derrida J.* Parages. Paris: Galilée, 1986.
- Delisle J.* L’analyse du discours comme méthode de traduction: Initiation à la traduction française de textes pragmatiques anglais: Théorie et pratique. Ottawa: Université d’Ottawa, 1984.
- Dijk T.A.v.* Studies in the Pragmatics of Discourse. The Hague etc.: Mouton, 1981.
- Eco U.* Mouse or Rat? Translation as Negotiation. London: Phoenix, 2003.
- Ellis R.* The Study of Second Language Acquisition. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1994.
- Fauconnier G.* Etude de certains aspects logiques et grammaticaux de la quantification et de l’anaphore en français et en anglais. Lille: Atelier Reproduction de thèses; Paris: Librairie Champion, 1980.

- Ferguson S.* Language Assimilation and Cross-linguistic Influence: A Study of German Exile Writers. Tübingen: Narr, 1997.
- Firth J.R.* Selected papers of J.R. Firth 1952–59 / F.R. Palmer (ed.). London; Harlow: Longmans, Gren and Co., 1968.
- Friedman V.A.* Toward a typology of status: Georgian and other non-Slavic languages of the Soviet Union // *The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels: April 20-21, 1979: Including papers from the Conference on Non-Slavic languages of the USSR (April 18, 1979).* Chicago: Chicago Linguistic Society, 1979. P. 339-350.
- Garrett P.* Attitudes to Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Gross J.* Editing and its discontents // *The State of the Language / Ricks Ch., Michaels L. (eds.).* Berkeley etc.: University of California Press, 1990. P. 282-288.
- Hatim B.* Communication across Cultures: Translation Theory and Contrastive Text Linguistics. Exeter: University of Exeter, 1997.
- Hübler A.* Understatements and Hedges in English. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1984.
- Hymes D.H.* On communicative competence. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1971.
- Kasher A.* Dialogues: How basic are they? // *Dialoganalyse II: Referate der 2. Arbeitstagung Bochum 1988 / Hg. v. Weigand E., Hundsnurscher F.* Tübingen: Niemeyer, 1989. Bd. 1. S. 71-86.
- Kernan K.T., Sabsay S.* Semantic deficiencies in the narratives of mildly retarded speakers // *Semiotica.* 1982. Vol. 42. No. 2/4. P. 169-193.
- Lang E.* Semantik der koordinativen Verknüpfung. Berlin: Akademie, 1977.
- Langendoen D.T.* On a class of not ungrammatical constructions // *Journal of Linguistics.* 1982. Vol. 18. No. 1. P. 107-112.
- Lightfoot D.* Principles of diachronic syntax. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1979.
- Lyons J.* Towards a notional theory of parts of speech // *Journal of Linguistics.* 1966. Vol. 2. P. 202-236.
- Lyons J.* Semantics. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1977.
- Mailloux S.* Interpretive Conventions: The Reader in the Study of American Fiction. Ithaca; London: Cornell University Press, 1982.
- Marković M.* Dialectical theory of meaning. Dordrecht etc.: Reidel, 1984.
- McCawley J.D.* A note on Japanese passive // *Speech Production and Language: In Honor of Osamu Fujimura / Kiritani Sh., Hirose H., Fujisaki H. (eds.).* Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1997. 271-277.
- Motsch W.* Sprache als Handlungsinstrument // *Kontexte der Grammatiktheorie / Hg. v. Motsch W.* Berlin: Akademie, 1978. S. 11-49.
- Mulken M.V.* Copyist behavior: Historical linguistics and text filiation // *Medieval dialectology / Fisiak J. (ed.).* Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1995. P. 153-174.
- Nash W.* English Usage: A Guide to First Principles. London etc.: Routledge & Kegan Paul, 1986.
- Neubert A.* Text als linguistischer Gegenstand // *Linguistische Arbeitsberichte.* Leipzig: Karl-Marx-Universität. 1982. Bd. 36. S. 25-42.
- Olshstein E., Cohen A.D.* Speech act behavior across languages // *Transfer in language production / Dechert H.W., Raupach M. (eds.).* Norwood (New Jersey): Ablex, 1989. P. 53-67.
- Parret H.* Pragmatique philosophique et épistémologie de la pragmatique: Connaissance et contextualité // *Le langage en contexte: Etudes philosophiques et linguistiques de pragmatique / H. Parret et al. (ed.).* Amsterdam: Benjamins, 1980. P. 7-189.
- Rathmayr R.* Pragmatik der Entschuldigungen: Vergleichende Untersuchung am Beispiel der russischen Sprache und Kultur. Köln etc.: Böhlau, 1996.
- Rappaport G.C.* On syntactic binding into adjuncts in the Russian noun phrase // *Topics in Syntax and Semantics: NPs, Non-A binding / Bouchard D., Smith C. (eds.).* Dordrecht; Boston: Reidel, 1987. P. 475-501.
- Richards J.C., Platt J., Weber H.* Longman dictionary of applied linguistics. Essex: Longman, 1985.
- Rochemont M.S.* A Theory of Stylistic Rules in English. N.Y.; London: Garland, 1985.
- Sajavaara K.* Second language speech production: Factors affecting fluency // *Second Language Productions / Dechert H.W., Möhle D., Raupach M. (eds.).* Tübingen: Narr, 1984. P. 45-65.
- Sandt R.A.v.d.* Context and Presupposition. London etc.: Croom Helm, 1988.
- Sass C.P.* On interpersonal competence // *Interpretive approaches to interpersonal communication / Carter K., Presnell M. (eds.).* Albany: State University of New York, 1994. P. 137-157.
- Scheller-Boltz D.* The Discourse of Gender Identity in Contemporary Russia: An Introduction with a Case Study in Russian Gender Linguistics. Hildesheim; Zürich; N.Y.: Georg Olms Verlag, 2017.
- Sommers J.D.* From sentence combining to whole essay revision: Theory into practice // *Sentence Combining: A Rhetorical Perspective / Daiker D.A., Kerek A., Morenberg M. (eds.).* Carbondale; Ed-

wardsville: Southern Illinois University Press, 1985. P. 151-158.

Spitzberg B.H., Cupach W.R. Interpersonal communication competence. Beverly Hills (California): Sage, 1984.

Thomas J.H. Philosophy of Religion in Kierkegaard's Writings. Lewiston etc.: Mellen, 1994.

Veale T, Brône G., Feyaerts K. Humour as the *killer-app* of language: A view from Cognitive Linguistics // *Cognitive Linguistics and Humor Research*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2015. P. 1-11.

Vossler K. Gesammelte Aufsätze zur Sprachphilosophie. München: Hueber, 1923.

Warren M.J. Repunctuation as interpretation in editions of Shakespeare // *English Literary Renaissance*. 1977. Vol. 7. P. 155-169. Repr. // *A Reader in the Language of Shakespearean Drama* / Salmon V., Burness E. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1987. P. 455-469.

Weinberger E. Anonymous sources: (On translators and translation) // *In Translation: Translators on Their Work and What It Means* / Allen E., Bernofsky S. (eds.). N.Y.: Columbia University Press, 2013. P. 17-30.

Wright R.A. Meaning_{mn} and conversational implicature // *Speech acts* / Cole P., Morgan J.L. (eds.). N.Y. etc.: Academic Press, 1975. P. 363-382.

ACCEPTABILITY, APPROPRIATENESS, AND ADAPTATION OF TEXT

V.Z. Demyankov

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

vdemiank@mail.ru

Texts and discourses need accommodation to conditions of their use in order to influence opinions, attitudes, and actions of the target audience. For instance, political texts and children's books are normally adapted to be properly understood. Such adaptations may be creative to different degrees and involve subjects, objects, target audience, circumstances of communication and techniques of presentation or, formulated in praxeological terms: *who* adapts, *what*, for *whom*, *when*, *where*, and *how*.

In linguistics, acceptability is a pre-theoretic notion pertaining to evaluation of sentences and utterances and it does not coincide with grammaticality or well-formedness. Acceptable sentences and utterances are rather defined as well-adapted to the discourses they belong to, that is, acceptability is part and parcel of communicative adaptation of texts and discourses.

On the other hand, texts and discourses themselves are appropriate to the degree they are well-adapted to the wider context of use, to circumstances of communication. Achieving discourse appropriateness is the main reason for adapting texts.

Key words: cognitive linguistics, text adaptation, discourse adaptation, sentence acceptability, text appropriateness, linguistic vs. extra-linguistic knowledge, culture accommodation.

Acknowledgments: The research presented in section 1 is financially supported by the Russian Scientific Foundation, project 19-18-00040 "Parametrization of linguistic creativity in discourse and language" at Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. The research presented in sections 2 and 3 is financially supported by the Russian Scientific Foundation, project No. 19-18-00429 "Language mechanisms of cultural system accommodation in various types of discourse of the 20th and 21st centuries" at Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Demyankov, V. Z. (2019). Acceptability, appropriateness, and adaptation of text. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 4, 9-19. (In Russ.).